

ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Элвин Тоффлер,
профессор Корнеллского
университета, США

Элвин Тоффлер (Alvin Toffler) (родился 04.10.1928 в Нью-Йорке) — американский социолог и публицист, входит в число самых известных и влиятельных футурологов мира, который предсказал и проанализировал возможные последствия технологического развития мира в XX и XXI веке.

В 1949 г. закончил Нью-Йоркский университет. Начинал как корреспондент и один из издателей журнала «Fortune». С 1965 ведёт научную работу в области социального прогнозирования и преподаёт «социологию будущего» в Корнеллском университете, консультант фонда Рокфеллера, корпорации IBM и т.д.

Наиболее известные книги, созданные в соавторстве с женой Хейди Тоффлер: «Шок будущего», «Метаморфозы будущего», «Третья волна».

Мир стоит на пороге грандиозных социальных перемен, технических и культурных нововведений. Глубинное и поразительное по своим следствиям развёртывание потенциала техники оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Меняется не только содержание труда, в десятки и сотни раз возрастает его производительность.

Существенные преобразования происходят во всём строе культуры и современной цивилизации. Микроэлектронная революция увеличивает мощь человеческого интеллекта. Технологические новшества оказывают влияние на социальную структуру общества. По существу, рождается новый цивилизационный уклад, в котором принципиально

иной будет сфера труда, управления, досуга.

Человечество переходит к новой технологической революции, то есть на смену *Первой волне* (аграрной цивилизации) и *Второй* (индустриальной цивилизации) приходит новая, ведущая к созданию сверхиндустриальной цивилизации. А это чревато новыми опасностями, социальными конфликтами и глобальными проблемами, с которыми человечество уже начинает вплотную сталкиваться.

Эти исторические сдвиги, захватывая все стороны жизни людей, тем не менее во многом бескровны. Ведь речь идёт не о социальной революции, направленной в основном на смену политического

режима, а о технологических изменениях, которые вызревают медленно, эволюционно. Однако впоследствии они рожают глубинные потрясения. Чем скорее человечество осознает потребность в переходе к новой волне, тем меньше будет опасность насилия, диктата и других бед.

Важная особенность новой социальной парадигмы: устойчивое и нарастающее ощущение того, что мир стоит на пороге больших, невиданных перемен. Речь идёт не просто о линейной эволюции, не о постепенном улучшении того, что уже есть сегодня, но о приближении качественно нового состояния общества. Тридцать лет назад я писал:

«Мы — последнее поколение старой цивилизации и первое поколение новой. Новая цивилизация сейчас зарождается в наших жизнях. Это явление, обладающее огромной взрывчатой силой, столь же глубокое, как и Первая волна перемен, вызванная 10000 лет назад становлением сельского хозяйства, или как потрясающая Вторая волна перемен, связанных с промышленной революцией. Мы — дети грядущей трансформации, то есть Третьей волны».

К середине XX века многие социальные философы пришли к тому выводу, что главной чертой господствовавшего типа цивилизации является её индустриальный характер. Перед лицом этого глобального фактора даже радикальные различия социалистического и капиталистического общества отступали на второй план.

До сих пор человечество пережило две великие волны перемен, каждая из которых практически упраздняла предыдущие культуры или цивилизации и создавала условия жизни, невыносимые для тех, кто жил раньше. И сегодня новая цивилизация входит в нашу жизнь, но многие пока не различают её и стараются подавить. Безнадёжно. «Третья волна» проникает всюду, она приносит с собой новые семейные отношения, изменения в стиле работы, в любви, в жиз-

ни, новую экономику, новые политические конфликты и, кроме того, изменения в сознании. Человечество стоит перед гигантским прыжком вперёд.

Главной ценностью цивилизации Первой волны является земля; киты Второй волны — это капитал, рабочая сила, средства производства; производительная сила Третьей волны — знания и информация. Символ первой цивилизации — мотыга, второй — конвейер, третьей — компьютер.

Когда началась (при всех условностях рассуждений о «начале» в подобной проблематике) цивилизация Третьей волны? Очень недавно. Символической датой начала новой цивилизации считается 1956 год, когда лидер СССР Н. Хрущёв произнёс своё знаменитое: «Мы вам покажем кузькину мать!» В этой фразе Никиты Сергеевича с гениальной краткостью сформулирован глобальный геополитический диагноз и прогноз: главное противостояние мира — это капитализм и социализм, главный вектор истории в том, что социализм победит и похоронит капитализм.

Но Хрущёв ошибся. Он не знал или не оценил того, что 1956-й — это первый год, когда в Соединённых Штатах «белые воротнички» и служащие численно превзошли заводских рабочих с «голубыми воротничками» — первый символический показатель исчезновения экономики дымящих труб Второй волны и рождения новой экономики Третьей волны.

То, что едва проклюнулось в конце 50-х, через двадцать лет, в 70-е, стало реальностью, подтверждённой массой фактов: в сфере услуг Соединённых Штатов теперь обращается больше денег, чем в производственном секторе; количество работников, занятых в производственных операциях в развитых странах, уменьшилось до 12–15%; появился компьютер, резко увеличилась скорость вхождения инноваций в широкую жизнь (если для широкого

освоения фотографии потребовалось около 110 лет, для массовой телефонии — 50, то для распространения телевидения, транзистора и интегральной микросхемы хватило соответственно 12, 5 и 3); лавинообразно стала расти ценность и цена информации и знаний; гигантские корпорации потеснились на рынке новыми малыми компаниями (классический пример сегодня — «Майкрософт»); активно разрабатываются новые источники энергии; начался бум нетрадиционных форм духовной жизни.

Всё это — передний фронт Третьей волны, которая имеет следующие признаки. современного постиндустриального общества:

- *Информационный капитал.* Знания становятся основой экономики. Опровергаются классические трудовые теории стоимости. Меняются методы оценки корпораций (в отличие от капитала индустриального общества, где стоимость организации складывается из стоимости зданий, оборудования, товаров, капитал Третьей волны по преимуществу нематериален).
- *Индивидуализация.* Касается всего потребления и производства. Отмирание серийного производства, массового потребления, массового унифицированного образования.
- *Работа.* Трансформация «труда» в творчество. Отмирание больших объёмов массовой и легковоспроизводящейся деятельности, присутствующей в экономике Второй волны; исчезновение различий между работой и не работой.
- *Инновационный характер жизни* в целом. Конкурентоспособно только обновляющееся.
- *Масштабы.* Разукрупнение организаций-гигантов. Тысячи рабочих (служащих), толпящихся в 8 утра у проходной, — отмирающий образ. Вместо больших коллективов — маленькие подвижные команды.
- *Организация.* Взамен пирамидальных, монолитных структур управления Второй волны ищутся и находятся ситуативные, матричные, сетевые способы управления; управление в рамках временных коллективов, рабочих групп. Сохранение и повышение мобильности работающих групп с одновременным нарастанием гибкости управления.

- *Инфраструктура.* Самое инвестиционно ёмкое и эффективное направление трансформаций. Предполагает постоянное создание и совершенствование самых разных систем информационной связи (роль которых в экономике будущего не меньше роли дорог в промышленную эпоху). Электронные магистрали — сердцевина экономики Третьей волны.

- *Ускорение.* Старая поговорка «Время — деньги» изменяется в сторону смысла: «Каждый следующий час дороже предыдущего». При этом будущее соединяет в себе факторы невероятных ускорений (деньги обращаются со скоростью света, но для передачи информации эта скорость уже недостаточна) и неторопливость, оно несёт в себе черты коттеджной культуры, досугового общества. Главной ячейкой жизни (и, если угодно, работы) людей будущего станет электронный коттедж.

Когда в 1993 году «Литературная газета» поздравила меня с оправданием моего пророчества о крахе социалистического строя и СССР, я ответил, что дело не только и, главное, не столько в этом.

Дело в том, что не следует терять чувства исторической перспективы. Подлинная перемена — это закат индустриального общества. Капитализм и коммунизм были порождением промышленного общества. И если одно из этих порождений потерпело крах, почему вы пребываете в уверенности, что такой же крах не постигнет второе? Основные реалии, определяющие код

**Советская
обществоведческая мысль,
конечно же, проспала
постиндустриальную
революцию. Она была
упёрта в дихотомию
социализма и капитализма,
что, как мы видим сегодня,
вообще химеры.
Для постиндустриального
общества капитализм
и социализм середины
XX века суть две стороны
одной и той же медали
(открытый и закрыто-
тоталитарный варианты
индустриализма).**

индустриальной эпохи, — стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация, отчуждение, — понятным образом напечатлелись

и на школе этой эпохи.

Вполне естественно.

Чтобы лучше понять особенности сегодняшнего и завтрашнего дня в образовании, нужно вновь задуматься над сутью уходящей индустриальной эпохи, ибо наша школьная система плоть от плоти порождена ею.

Не совсем естественно то, что, хотя в большой жизни эти реалии уже уступают напору Третьей волны, школа пока что пребывает почти неколебимым реликтом индустриалистской парадигмы двухсотлетней давности.

Что ж, альтернатива ясна: либо школа успеет потопить

сама, либо её так поторопят, что она уже никуда не успеет. Дискуссии по более мелким проблемам напоминают споры пассажиров о том, какое кресло кому занять на палубе тонущего «Титаника».

Рассматривая общественное развитие как «смену стадий», сторонники этой теории связывают его становление с преобладанием «четвёртого», информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. Капитал и труд как основа индустриального общества уступают место информации и знанию в информационном обществе. Революционизирующее действие информационной технологии приводит к тому, что в информационном обществе классы заменяются социально недифференцированными «информационными сообществами».

Разнообразие расшатывает традиционные структуры индустриального века. Капиталистическое общество прежде всего основывалось на массовом производстве, массовом распределении, массовом распространении культурных стандартов. Во всех промышленных странах — от США до Японии — до недавнего времени ценилось то, что можно назвать унификацией, единообразием. Тиражированный продукт стоит дешевле. Индус-

триальные структуры, учитывая это, стремились к массовому производству и распределению.

Вместе с тем данная тенденция постепенно становилась объектом острой критики со стороны противников «массовизации». Многие проницательные авторы отмечали, что машины лишают людей индивидуальности, а технология вносит рутинность во все сферы общественной жизни. Миллионы людей встают примерно в одно время, сообща покидают пригороды, устремляясь к месту работы, синхронно запускают машины. Затем одновременно возвращаются с работы, смотрят те же телепрограммы, что и их соседи, почти одновременно выключают свет. Люди привыкли одинаково одеваться, жить в однотипных жилищах. Тысячи научно-фантастических романов и кинофильмов пронизывала мысль: чем выше уровень развития техники, чем она сложнее, тем более стандартизированными и одинаковыми становимся мы сами.

Тенденция к унификации породила контртенденцию. Появился запрос на новую технологию. «Информационный взрыв» рассматривается как порождение отживших структур. Роль техники в истории человечества переоценить трудно, но мы можем обрисовать будущее общество как возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе.

Рассматривая историю как непрерывное волновое движение, можно предсказать некоторые особенности грядущего мира, экономическим костяком которого станут электроника и ЭВМ, космическое производство, использование глубин океана и биоиндустрия.

Общественные изменения можно рассматривать как прямой рефлекс технического прогресса. За доминанту можно взять преобразования в техносфере (энергетическая база, производство и распределение). Техника должна соответствовать экологическим и социальным критериям.

Промышленная революция оказала разрушающее воздействие на большую семью, которая составляла единое производственное целое. Но так называемая нуклеарная семья (муж, жена, дети) стала доминировать совсем не потому, что она экономичнее, рентабельнее. На её формирование повлияли многочисленные факторы — отделение трудовой жизни от семейной, рождение иерархической структуры власти, изменение ценностных ориентаций.

Нет сомнений в том, что компьютеры углубят понимание причинно-следственных связей нашей культуры в целом. Обработка информации поможет создать осмысленные «целостности» из бессвязных, роящихся вокруг нас явлений. Но компьютер только в том случае окажет воздействие на общественный организм, когда его применение будет продуманным, соотнесённым с характером общественных связей.

Можно утверждать, что при феодализме господствовали собственники одного ресурса — земли. При капитализме — собственники уже всех средств производства. При социализме бюрократия как целое стала коллективным собственником всей экономики. В постиндустриальном обществе продолжает господствовать бюрократия. Но её власть ограничена. Во-первых, в самой экономике — частным и коллективным секторами. Во-вторых, сама бюрократия выступает не как единая структура, а разрозненно. В-третьих, группы бюрократии переплетаются, сращиваются с собственностью, причём в разной степени. Наконец, власть бюрократии реализуется в условиях особого типа демократии.

Вместо длинных «нитей» идей, связанных друг с другом, в сегодняшнем мире мы имеем дело с новыми образами и представлениями — «клипами» информации: короткими сообщениями, объявлениями, командами, заголовками «Новостей», отрывками из песни или стиха, коллажами и т.д., которые не согласуются со схемами и не поддаются классификации — отчасти потому, что они не укладываются в старые категории, отчасти потому, что имеют странную, текучую, бесвязную форму.

Сталкиваясь с такими клипами, люди Третьей волны чувствуют себя свободнее, так как не пытаются втиснуть новые данные в стандартные категории и рамки Второй волны или просто заимствовать готовую идеальную модель реальности; вместо этого они желают устроить всё на свой собственный лад, снова и снова изобретая приемлемые для себя модели, что ложится грузом тяжкого бремени, но вместе с тем и открывает большие возможности для развития индивидуальности, демассификации личности и культуры.

Для того чтобы получить интегральную картину общества, называемого «постиндустриальным», «информационным» или «обществом Третьей волны», следует охарактеризовать его в терминах постмодернистской философии. Будем исходить из того, что основными категориями, описывающими реальность постмодерна, являются плюрализм, децентрация, неопределённость, фрагментарность, изменчивость, контекстуальность. Рассмотрим, какие реальные процессы в обществе Третьей волны могут быть описаны с помощью данных понятий.

Принципы плюрализма, децентрации, фрагментарности, являющиеся определяющими для постмодернизма, выражаются прежде всего в утверждении разнообразия как основного лейтмотива постиндустриального общества. Если говорить об экономике, то разнообразие обнаруживается не только в типах техники, товарном ассортименте и видах услуг, но и в потребности в широком спектре различных профессий. Причём рабочий

Постиндустриальный строй сам по себе внутренне связан всеми своими структурами. Раз есть социальные гарантии, значит, сохраняет своё значение государственное регулирование. Без частного сектора нет конкуренции и, стало быть, нет динамики. Нельзя обойтись и без демократии, ибо только она может быть инструментом взаимного согласования всех сторон.

Третьей волны мыслится уже не как придаток конвейера, которого можно заменить любым другим, а как разносторонне развитая, изобретательная, инициативная личность.

Если технология Второй волны содействовала единообразию, то технология Третьей волны обеспечивает социальное разнообразие. Естественно, разнообразие как характеристика постиндустриального общества воплощается не только в области экономики — оно пронизывает все сферы и подсистемы общества, изменения в которых могут быть описаны при помощи категорий постмодернистского мировоззрения. Утверждение разнообразия как некоей фундаментальной основы гарантирует плюрализм, то есть равноправное существование самых разных позиций, и постиндустриальное общество создаёт определённые условия для реализации этого постмодернистского принципа.

С принципом плюрализма неразрывно связан принцип децентрации, воплощение яв-

Время начальственных кабинетов, в которых рождались всеобъемлющие планы, во имя которых от каждого можно требовать послушания и согласованности действий, уходит в прошлое вместе с эпохой модерна. Мир больше нельзя моделировать как объект администрирования, обозреваемый с высоты стола генерального директора. Принцип единоначалия, который символизировал индустриальную эпоху, становится неуместным в постиндустриальном обществе.

ственно прослеживается в постиндустриальном обществе, ведь последнее фактически лишено того единого и основополагающего центра, вокруг которого вращается вся социальная жизнь. Это в полном смысле «мозаичное общество», которое то и дело меняет центры притяжения и отличается предельной подвижностью своих связей и зависимостей.

Децентрация охватывает практически все сферы общества наших дней: в производстве мы наблюдаем процессы демас-

сификации и разукрупнения предприятий,

в сфере управления происходит перераспределение властных полномочий центра в пользу регионов, а базисное планирование переносится на локальный уровень, а что касается доступа к информации, то новейшие электронные технологии предлагают невиданные доселе возможности для пользователей самостоятельно получать необходимые им сведения, независимо от цензуры центра.

Здесь следует отметить, что наряду с процессами децентрации и дифференциации в современном обществе имеют место и интеграционные тенденции. Так, налицо процессы экономической интеграции и образования наднациональных экономических и властных структур, например становление Европейского сообщества.

Одновременное наличие процессов дифференциации и глобализации мы имеем и в средствах массовой информации. Но интеграция в эпоху постиндустриализма не предполагает господства центра, в данном случае речь идёт скорее о некоей координации, цель которой — успешное функционирование и развитие составных частей. Таким образом, в постиндустриальном обществе Третьей волны налицо постмодернистские по своему духу процессы децентрации, но никак не анархии, так как децентрализованные части не пытаются обособиться, а наоборот, стремятся к совместной деятельности, но уже с учётом индивидуальных, самобытных особенностей.

Принципы плюрализма и децентрации вытекают из общей установки постмодерна неприятия господства целого над отдельным. На эту же установку опирается и принцип фрагментарности. В общем его содержание сводится к утверждению, что универсальный мир модерна распался на бесчисленное множество разнородных фрагментов, и в этой пёстрой мозаике уже невозможно выделить нечто абсолютное.

В постмодерном мире уже нет места супер-проектам, вовлекающим людей в единое поле с целью их осуществления. «Техническая болезнь» гигантизмом, связанная с фетишизацией величины и размеров, уходит в прошлое. Постиндустриальному обществу чужды глобальные, «титанические» начинания, будь то «великие стройки коммунизма», «поворот рек» или отправка человека на Луну, и не в силу того, что они не нужны, а из-за того, что им не придается излишнего значения. Эти и подобные им «великие» проекты, интегрирующие огромные массы людей, а также связанные с ними пафос, неотвратно уходят в прошлое.

Социальное дробление неразрывно связано с утверждением фрагментарного, децентрированного образа мышления людей: постиндустриальное общество уходит из-под власти всеобъемлющих универсалий. А их власть, иногда агрессивную, иногда мягкую и незаметную, но при этом не менее действенную, не следует недооценивать. Процессы преодоления господства общих понятий и отождествления индивидов с ними постепенно набирают силу в постиндустриальном обществе.

Приход общества «Третьей волны» качественно изменяет проблему идентификаций, которые становятся более кратковременными, так как люди принимают или отказываются от каких-либо компонентов своих идентичностей быстрее, чем когда-либо. Таким образом, можно сделать вывод, что сознание перестает быть «универсальным» и становится «клиповым», то есть отходит от общезначимых и постоянно воспроизводящихся схем мышления, отдавая предпочтение коротким, но при этом нестандартным и насыщенным мыслям.

«Третья волна» стала реальностью в развитых странах Запада. Россия тоже сегодня входит в её воды. Переходный период завершается и страна обретает новую социально-экономическую систему. Однозначного названия у этой системы ещё нет. Но её контуры ясны, а параметры уже сформированы. Это система постиндустриального общества с социально ориентированным рыночным хозяйством и гражданским обществом в качестве формы политической власти.

Наступление постмодерна связывается с отказом от универсальности, от стремления охватить всё многообразие бесконечной реальности несколькими общими идеями или какой-то исчерпывающей философской концепцией. Предлагаемая в арсенал социальной философии схема *предмодерн-модерн-постмодерн* не претендует на исключительность и общезначимость.

Данная парадигма ни в коей мере не отменяет как стадийный, так и формационный, цивилизационный и другие подходы к видению исторического процесса. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, в каждом из них фиксируется та или иная грань социальной реальности, исходя из выбранной точки отсчёта, и, все они имеют право на существование.

Главное — избегать попыток объяснения множества явлений исходя из монистического решения, то есть не класть в основу социального познания какой-то всеобъемлющий «базис», будь то отношения собственности, научные технологии, изменения в культуре, этнические различия. Утверждение постмодерного общества требует и соответственного преобразования устоявшихся способов социального познания.

Таким образом, научно-технологические достижения конца второго тысячелетия, неразрывно связанные с изменениями в культуре в целом, формируют новый образ реальности, утверждение которого и позволяет говорить о сегодняшнем обществе не только как об информационном, но и как о постмодерном. **НО**